

деление его автором как «частности, обособления». Герой сразу же предстает перед читателем в сугубо необычном виде — в «ряске» монастырского послушника. Такого «героя века» — молодого человека-современника — в русской литературе ни до, ни после Достоевского не было. И автор находит нужным подробно объяснить это в рассказе о детстве и отрочестве Алеши. Попутно дается подробная характеристика «странного» героя. Личность его многими чертами напоминает князя Мышкина. Он сосредоточен в себе, задумчив; занятый какой-то ему одному ведомой внутренней заботой, о внешнем, средствах к жизни — деньгах, совсем не думает. Он «человеколюбец» — верит в людей, никого и ни за что не осуждает, хотя часто «очень горько грустит»; он говорит каждому абсолютную правду, какой бы неприятной она подчас ни была, однако почти у всех вызывает к себе особое доверие и невольную горячую симпатию. Но, в отличие от героя «Идиота», Алеша совершенно здоров (автор это особенно подчеркивает) и духом и телом. В момент поступления в монастырь это был «очень красивый, статный, краснощекий, со светлым взором, пышущий здоровьем девятнадцатилетний подросток». Не был он — это тоже подчеркивается — «ни фанатиком, ни мистиком»; «и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что в т о в р е м я она одна поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его». Реальным воплощением этого «света» предстало ему «необыкновенное, по его мнению, существо» — исповеднический высокой духовной силы — любви к людям, любви и близости к простому народу — монастырский старец Зосима. «Прибавьте, — несколькими страницами ниже повторяет автор, — что это был юноша отчасти уже нашего последнего времени (под «последним временем» несомненно имеется в виду «момент» действия второго романа — «теперешний текущий»); это ясно из того, что по отношению ко времени действия первого романа Алеша назван «р а н н и м человеколюбцем»), то есть, — поясняя, подчеркивает автор, — честный по природе своей, требующий правды, ищущий ее и верующий в нее, а уверовав, требующий скорого подвига с непререкаемым желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, да же ж и з н ю». — (Разрядка моя. — Д. Б.).

Достоевский с особенным вниманием, взволнованностью и тревогой следил за все учащавшимися «политическими преступлениями», совершавшимися молодежью «последнего времени». В частности, благодаря А. Ф. Кони он получил возможность присутствовать 31 марта 1879 г. (как раз в тот период, когда обдумывал план своей дилогии) на знаменитом процессе Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Трепова, который приказал высечь политического арестанта — студента Боголюбова за то, что тот не снял перед ним шапки. Засулич не знала Боголюбова, но услышав об этой истории и, считая, как она показывала на суде, что «такое дело не может, не должно пройти бесследно... решилась, хотя ценою собственной гибели, доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так надругаясь над человеческой личностью». В. Н. Засулич была настолько взволнована, что не могла продолжать. Председатель пригласил ее отдохнуть и успокоиться; немного погодя она продолжала: „Я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать“¹¹.

Решением присяжных, встреченным громом оваций присутствовавшей на заседании публики (хотя она заранее была строго отобрана властями) Засулич к величайшему возмущению официальных кругов была признана невиновной. Достоевский, занеся в одну из своих записных книжек 1880—1881 гг. слова Засулич «тяжело поднять руку, пролить кровь», характерно добавляет: «Это колебание было нравственное, чем само про-

¹¹ Кони А. Ф. Собр. соч., т. 2, М., «Юридическая литература», 1966, стр. 120.